

1985. – 150 с.
3. Комиссаров В. К. Коммуникативная функция языка и осмысленность слова : сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца – Вып. 262. – Москва, 1990. – С. 112–123.
 4. Коралова А. Л. Некоторые семантические особенности фразеологизмов в коммуникативном аспекте : сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. – Вып. 244. – Москва, 1985. – С. 89–96.
 5. Кулакова Б. П. О коммуникативном статусе фразеологических единиц / Б. П. Кулакова // Вопросы английской фразеологии (коммуникативные и семантические аспекты). – Москва, 1996. – С. 49–55.
 6. Кунин О. В. Фразеология английского языка / О. В. Кунин. – Москва, 1998. – 250 с.
 7. Медникова Э. М. Прагматика и семантика коммуникативных единиц : сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. – Вып. 264. – Москва, 1995. – С. 54–66.
 8. Пророченко О. П. Семантический механизм прагматики фразеологических единиц / О. П. Пророченко // Лексические и синтаксические единицы и текст. – Иваново : Иванов. ун-т, 1990. – С. 100–106.
 9. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). – Москва : Наука, 1997. – 305 с.
 10. Тимофеева В. В. Семантические и коммуникативно-функциональные особенности фразеологии в американском варианте английского языка / В. В. Тимофеева // Проблемы формирования национально-специфического компонента германских языков. – Москва : Наука, 1990. – С. 58–63.

Приходько А. Н.
Запорожский юридический институт

ПРОТИВИТЕЛЬНОСТЬ КАК ПЕРЕВЕРНУТОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ КАУЗАЛЬНОСТИ

Объектом настоящей статьи является немецкое сложносочинённое предложения (ССП) с семантикой противительности (контрадикторности, адверсативности), являющееся соединением двух элементарных предложений, которые отображают по одной денотативной ситуации (СИТ). Находясь между собой в отношениях взаимной обусловленности, эти ситуации обнаруживают определенного рода несоответствие ожидаемого и реального. Обобщающим адверсативным смыслом является интерпретационная формула '*несмотря на то, что*', а соответствующая пропозиция может быть представлена в виде символической записи СИТ-1 – ПК_{АДВ} – СИТ-2 (*Es regnete oft* (СИТ-1), *aber* (ПК_{АДВ}) *der Urlaub war schön* / (СИТ-2) / *Часто шел дождь, но отпуск был хорошим*), где отношения обусловленности и несоответствия фиксируются при помощи предиката-коннектора ПК_{АДВ}. Предмет рассмотрения (логико-смысловые отношения в противительном ССП) определяет и основную цель работы – установление путей и способов вербализации противительных отношений в современном немецком языке на фоне как конструкции "двойственной ориентации" (каузальности и собственно-противительности).

Формальная логика придерживается мысли, что объединение адверсативной информации в целостный блок осуществляется с помощью конъюнкции, языковым эквивалентом которой является противительный союз *aber* /*but*, *a*, *no*/. Важным признаком противительной конъюнкции является то, что мы имеем дело с не совсем последовательными логическими связями, а скорее с фактами несоответствия стереотипных представлений о надлежащем и реальном. Конъюнкция противительности является, таким образом, логикой девиантности – отклонением от нормы, от стереотипов и канонов, от привычных представлений о существующих взаимосвязях в реальном мире.

Считается, что основной постулат противительности состоит в его отношении к концепту ‘ожидание’ [12, 783], фиксируемом языком как не сбывшееся, а потому являющееся “отвергнутым” [14, 168]. Девиантность как отклонение от нормы имеет своим следствием и основную семантическую функцию *aber* – выражение противоречия [9, 740; 10, 480; 14, 782].

Именно наличие противоречия между двумя составляющими (конъюнктами) ССП декларирует стандартный подход к лингвистическому анализу противительных конструкций, когда описываемая правой частью биннома ситуация контрастирует с тем, что предлагает ситуация, описываемая его левой частью [16, 2402]. Противительные отношения всегда предполагают причинные отношения. В этом смысле противительность предстает как перевернутое отображение каузальности, как своего рода псевдокаузальность, в основе которой лежит принцип *когнитивной энтропии* – “меры отклонения системы от определенного состояния, принимаемого за эталонное (оптимальное)” [3, 75]. В нашем случае энтропия – это “недоинформированность”, отклонение от какого-то условного эталона на фоне недостатка и/или недоиспользования какого-либо информационного ресурса.

Энтропийный принцип описания контрадикторных отношений наблюдается фактически именно в лингвистических концепциях противительной конъюнкции, когда она рассматривается как нарушение принципа регулярности событий по линии констатации противоречия между антецедентом и консеквентом [11, 109], между “заданным” антецедентом следствием и его реализацией. Как результат энтропийного видения противительности появляется ее толкование в виде “обманутого ожидания” [1, 87], “the contrary-to-expectation” [4, 278], “denial-of-expectation” [14, 168]. Этим же можно объяснить и интерпретацию противительности по схеме обратной каузальной пропорции (‘гипотетическая каузальность’ – ‘реальная каузальность’) и в виде “неосуществленной каузальности” [5, 158], “скрытой каузальности” [8, 329] или “антикаузальности” [13, 5].

В самом деле, противительные отношения всегда имплицитно подразумевают причинные отношения, коррелируя с ними через оппозицию “обусловленное соответствие – обусловленное несоответствие” и выступая при этом как зеркальное отображение казуальности.

Вполне понятно, что в сферу “компетенции” противительного смысла попадает такой фрагмент причинно-следственной цепочки, который состоит не из одного бинарного звена (как при казуальных отношениях), а из двух ($Пр_1 \rightarrow Сл_1 \rightarrow Пр_2 \rightarrow Сл_2$), и поэтому его языковое воплощение опирается на взаимодействия четырех составляющих: СИТ-1 ($Пр_1$) – ситуация, описывающая первую причину, СИТ-2 ($Сл_1$) – ситуация ожидаемого следствия, СИТ-3 ($Пр_2$) – ситуация, имплицитно подразумевающая другую причину, СИТ-4 ($Сл_2$) – ситуация реализованного следствия (следствие другой причины). В этой связи П. Шлобински анализирует ССП *Hans ist krank, aber er geht arbeiten / Ханс приболел, но он идет на работу* / как состоящее из четырех компонентов: условие (*Больные не работают*), факт (*Ханс больной*), вывод (*Ханс не должен идти на работу*), контраст (*Ханс идет на работу*) [15, 301].

Аналогичное можно утверждать и по отношению к уже упомянутому ССП *Часто шел дождь, но отпуск был хорошим*, в котором фиксируется отрицание каузального стереотипа “дождь \rightarrow плохой отпуск” и утверждается реальное положение дел (“дождь \rightarrow хороший отпуск”). Стало быть, что конъюнкция противительности

поддерживается каузальными отношениями, причем двумя – одним отрицающим и одним утверждающим – и является такой обусловленностью, которая не отвечает общепризнанным представлениям об устройстве реального мира. Каузальное предложение базируется на двух, а противительное – на четырех денотативных ситуациях, две из которых вербализируются, а две имплицитуются и относятся к миру фоновых знаний. Этот факт подчеркивает и Г.-В. Эрмс, когда пишет, что *aber* подает сигнал о необходимости обследования предыдущего текста, поскольку именно он является тем фоном, на который сориентирована пропозиция с *aber* [10, 480].

Как видим, языковая специфика адверсативных конструкций состоит в том, что в них эксплицируются не все части причинно-следственной цепочки, а как минимум одна из них остаётся за рамками высказывания. В соответствии с тем, на какой вид противоречия говорящий наводит коммуникативный фокус, можно различать по крайней мере два основных вида адверсативных смыслов – собственно-противительные и оппозитивно-противительные.

Собственно-противительные отношения в наибольшей мере соответствуют концепции противительности как отвергнутой причины, что сближает их с отношениями уступительности. Именно поэтому формальным тестом для выявления собственно-противительного смысла может стать проба с помощью подчинительного союза *obwohl* (1a, 2a, 4a). Ср.: (1) \equiv (1a) *Obwohl der Himmel bedeckt war, war es hell*; (2) \equiv (2a) *Obwohl Dr. Eletheropulos griechisch sprach, ich verstand alles*; (4) *Der Komponist hatte einen Namen, aber die Sinfonie war schlecht* /Н. Kosalik/ \equiv (4a) *Obwohl der Komponist einen Namen hatte, war die Sinfonie schlecht*.

Проба на сепаратизацию собственно-противительных предложений показывает, что, в отличие от соединительных, они довольно зависимы друг от друга, поскольку хоть и могут существовать отдельно, но, кажется, утрачивают противительный смысл (1b, 2b, 4b). Ср.: (1) \neq (1b) *Der Himmel war bedeckt. Es war hell*; (2) \neq (2b) *Dr. Eletheropulos sprach griechisch. Ich verstand alles*; (4) \neq (4b) *Der Komponist hatte einen Namen. Die Sinfonie war trotzdem schlecht*. Сближение собственно-противительных ССП с соединительными наблюдается на функциональном уровне, так как проба на перестановку местами их частей (транспозиция) не приводит к утрате противительного смысла: (1) \equiv (1c) *Es war hell, aber der Himmel war bedeckt*; (4) \equiv (4c) *Die Sinfonie war schlecht, aber der Komponist hatte einen Namen*.

При транспозиции составляющих собственно-противительных ССП не происходит перегруппировки причины и следствия, их содержание остаётся прочно закрепленным за соответствующими пропозициями – причина за СИТ-1, а следствие – за СИТ-4.

Порядок расположения составляющих не является релевантным для второй разновидности псевдообусловленности, а именно для тех предложений, где наблюдается акцентирование противоречия между первым следствием и второй причиной. Обобщающей схемой такого рода собственно-противительных отношений будет формула ОЖИДАЕТСЯ СИТ-1 \rightarrow СИТ-2, А ПРОИСХОДИТ СИТ-2 \rightarrow СИТ-3: (5) *Ich liege schlaflos, aber ich nehme kein Schlafpulver*. Здесь $ПР_1$ и $СЛ_2$ неизвестны и не называются, а отсутствующие звенья причинно-следственной цепочки могут легко домысливаться на основе общего фонда знаний или пресуппозиций. Ср.: (5) *Ich liege schlaflos, aber ich nehme kein Schlafpulver* \leftarrow (5a) *...später liege ich in meinem Hotel, schlaflos* ($СЛ_1$). *Es ist eine heiße Nacht* ($ПР_1$), *ich nehme kein Schlafpulver* ($ПР_2$). *Sonst bin ich niedergeschlagen* ($СЛ_2$) *am Morgen* /F. Dürrematt/; (6) *Mein Stuhl stürzte, aber das Mädchen*

stellte ihn auf ← (6a) *Als ich aufstand, stürzte mein Stuhl. Aufsehen in der Bar. Aber das Mädchen stellte ihn auf, und ich setzte mich wieder, als wäre nichts dabei...* /M. Frisch/.

При *оппозитивно-противительных* отношениях наблюдается перемещение фокуса внимания с противоречия между причиной и следствием на противоречия между смежными величинами – а) между двумя причинами, б) между двумя следствиями, которые оказываются при этом достаточно антагонистическими, поскольку не предусматривают никакого компромисса для своего разрешения, образуя своего рода “семантическую оппозицию” [14, 168]. В частности, в ССП (7) *Ich hatte Hunger, aber der Hummer ekelte mich* /M. Frisch/ противительность базируется не на псевдообусловленности, предусматривающей реализацию СИТ-4 (*aber ich aß nicht*), а на оппозиции одной причины по отношению к другой по схеме ОЖИДАЕТСЯ СИТ-1 → СИТ-2, А ПРОИСХОДИТ СИТ-1 → СИТ-3.

За рамками сочинительного предложения оказываются консеквентные элементы причинно-следственной цепочки, однако при этом ССП является семантически самодостаточным, а его отсутствующие звенья оказываются как бы зашифрованными в минимальном контексте, и поэтому допускают свою реконструкцию на основе пресуппозиции: (7a) *Ich hatte Hunger* (ПР₁), {*deshalb mußte ich essen* (СЛ₁)}, {*aber ich aß nicht* (СЛ₂)}, *denn der Hummer ekelte mich* (ПР₂).

Реконструирование невербализированных элементов выявляет две специфические особенности оппозитивно-противительных ССП. Во-первых, наблюдается перестановка акцентов, поскольку противоречие устанавливается в этом случае как раз по модели собственно-противительности (*Ich hatte Hunger* (ПР₁), *aber ich aß nicht* (СЛ₂)). Во-вторых, правая часть бинорма несёт информацию и о самом непрогнозируемом следствии (*aber ich aß nicht*), и о причине того, что случилось (*der Hummer ekelte mich*). В основе такого рода диффузии антецедента и консеквента находится механизм логической импликации ПР₂ ⊃ СЛ₂, благодаря которому говорящему удаётся “встроить” в одну форму две ситуации.

Оппозитивно-противительные ССП, в отличие от собственно-противительных, не могут быть переставлены местами без потери основного смысла. Проба на транспозицию даёт отрицательный результат и показывает, что в этом случае появляется абсолютно иное прочтение причинно-следственной зависимостей, а именно как противоположное решение дилеммы: говорящий всё же пообедал ((7a) *Der Hummer ekelte mich, aber ich hatte Hunger*); поспал ((8a) *Der Kaffeduft stieg ihm in die Nase, aber er konnte noch schlafen*); побрился ((9a) *Mein Apparat war kaputt, aber ich hatte das Bedürfnis, mich zu rasieren*).

Как видим, порядок расположения составляющих в оппозитивно-противительных ССП имеет значимый характер, поскольку адверсативность поддерживается в них не только на логико-семантическом, но и на структурно-грамматическом уровнях. Стало быть, оппозитивная противительность является довольно неустойчивой категорией – такой, которая легко разрушается при малейшем вмешательстве в структуру.

Значимый порядок расположения составляющих имеет место и в другой разновидности оппозитивно-противительного смысла, а именно в тех предложениях, где наблюдается антагонистическое противоречие между двумя следствиями. В частности, в ССП (10) *Ich war entschlossen, aber es kam nicht dazu* /S. Lenz/ противительность базируется на принципе ОЖИДАЕТСЯ СИТ-1 → СИТ-2, А ПРОИСХОДИТ СИТ-2 → СИТ-4.

Поскольку в данном виде оппозитивно-противительных ССП фокус делается на противоречии между двумя следствиями, то antecedentes полностью остаются в теновом окружении сочинительной формы, а их идентификация в минимальном контексте является либо вообще невозможной (10, 11), либо частично возможной (12). Вербальная выраженность обоих antecedents встречается редко, а именно тогда, когда предложение выступает как полисочинительный комплекс (13). Ср.: (11) *Anderntags ging ich in den Louvre, aber von einem Mädchen mit rötlichem Roßschwanz war nichts zu sehen* /М. Frisch/; (12) *Ich wollte protestieren* (СЛ₁), *aber konnte meinen Mund nicht aufmachen* (СЛ₂), *...da mir soeben sämtliche Zähne ausgefallen sind...*(ПР₂)/F. Kafka/; (13) *Was mich nervös machte: das Scheppern unserer Kanister* (ПР₁), *ich stoppe öfter und befestige sie* (СЛ₁), *aber nach einer halben Stunde Fahrt über Wurzeln und faule Stämme* (ПР₂) *schepperten sie wieder* /М. Frisch/.

Приведенные предложения свидетельствуют о том, что противоречие между двумя следствиями хотя и достигает своей критической точки, однако оно не исключает потенциальной возможности своего разрешения. Благодаря причине-препятствию, реальность которой опирается на достоверное знание, противоречие между следствиями не является перманентным, а длительность его действия, следовательно, может быть недолговременной (найдутся другие идеи для поиска девушки (11), другие способы протеста (12), другие способы крепления (13)).

Неисключенность альтернативы для разрешения противоречия в данном типе ССП, возможно, поддерживается посредством семы “намерение”, которая либо имплицитруется (10, 11, 13), либо вводится модальными глаголами (12, 14, 15). Тогда имеет место противоречие не между фактами, которые наблюдаются эмпирически, а между намерением говорящего и его реализацией: (14) *Wir wollten baden, aber Herbert fand seinen Bach nicht wieder* /М. Frisch/; (15) *Sie wollte es ihm sagen, aber die Zunge gehorchte ihr nicht* /D. Schwanitz/. В данном случае СИТ-1 описывается не как ПР₁, а как речевое действие “намерение”, а СИТ-2 выступает как контаминация причины и следствия, поскольку правый конъюнкт допускает свое прочтение как причина-обоснование (ср.: (12) ≡ (12a) *Ich habe nicht protestiert, denn ich konnte meinen Mund nicht aufmachen*).

Регулирование контраста между причиной и реализованным следствием опирается на систему лексической и логической антонимии. Специальных маркеров для регулирования такого контраста язык, кажется, не выработал. И хотя считается, что союз *zwar* является средством усиления противопоставления [126 с. 783], однако он вряд ли оказывает какое-либо весомое влияние на силу контраста. Без всякого влияния на степень градации он может быть использован и при высокой силе (19a), и при средней (22a), и при низкой (23a) силе контраста. Ср.: (19) ≡ (19a) *Zwar wußten sie vieles, aber war es wertvoll, dies alles zu wissen?*; (22) ≡ (22a) *Zwar waren die Waschungen gut, aber sie wuschen die Sünde nicht ab*; (23) ≡ (23a) *Zwar bin ich verloren, aber ich bin nicht allein*.

Рассматривая французские союзы *certes*, *bien*, *encore* и сравнивая их с немецким *zwar*, Л. Теньер называет их *gréadversatif* и говорит о функции упреждения противительного смысла. Он пишет, что преадверсатив настолько хорошо приспособился к функции пилули перед выражением неодобрения, что стал восприниматься как обычный риторический прием упреждения появления другого члена, противопоставленного первому [6, 347]. При всей своей образности пассаж

Л. Теньера наводит на мысль, что противительные ССП с единичным *aber* и ССП с парным *zwar... aber* соотносятся между собой по принципу “неожиданное противоречие – прогнозируемое противоречие”, в котором *zwar* отводится роль индикатора антиципации. Сигнализируя о наличии противоречия заранее, союз *zwar* тем самым информирует о нём адресата еще до того, как оно будет вербализовано. Другими словами, слушающий ещё не знает, какое именно противоречия будет иметь место, но знает о том, что оно последует.

Подводя итог сказанному, отметим, что противительное ССП представляет собой псевдоказуальный бином, описывающий факт разрыва причинно-следственной цепочки в виде определенного несоответствия между антецедентом и консеквентом, что напрямую связано с явлением когнитивной энтропии. В зависимости от характера этого несоответствия различаются два основных вида адверсативных смыслов-отношений – собственно-противительные и оппозитивно-противительные.

При собственно-противительных отношениях противоречие имеет место либо между вербализованной причиной и непрогнозируемым следствием, либо между вербализованным следствием и неизвестной причиной. Оппозитивно-противительные отношения фиксируют несоответствие между смежными величинами – двумя причинами или двумя следствиями. В онтологическом плане первая разновидность противоречия ассоциируется с компромиссом, другая – с антагонизмом.

Совмещения ситуаций в одной конструкции и возможность подачи опережающего сигнала о наличии противоречия при помощи корректора *zwar* открывает определённый простор для разнообразия речевой тактики адресанта в выражении противоречия, а заодно и составляет определенную перспективу дальнейших исследований конструкций двойной ориентации на материале различных языков.

Л и т е р а т у р а :

1. Апресян В. Ю. Уступительность как системообразующий смысл / В. Ю. Апресян // Вопр. языкознания. – 2006. – № 2. – С. 85-110.
2. Бакалова З. Н. Соотносительность сложносочиненных и сложноподчиненных предложений несоответствия и уступки / З. Н. Бакалова // Доклады VI Междунар. конф. “Семантика языковых единиц”. – М. : СпортАкадемПресс, 1998. – С. 62 – 64.
3. Каныгин Ю. М. Основы когнитивного обществознания (Информационная теория социальных систем) / Ю. М. Каныгин. – К. : Укр. академия информатики, 1993. – 236 с.
4. Карлсон Л. Соединительный союз *but* / Л. Карлсон // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18 : Логический анализ естественного языка. – М. : Прогресс, 1986. – С. 277–299.
5. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. – М. : Наука, 1986. – 260 с.
6. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
7. Фужерон И. Не заблудиться бы в трех “хотя”... / И. Фужерон // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. – 1998. – Т. 57, № 3. – С. 46–52.
8. Di Meola C. Zur Definion einer logisch-semantischen Kategorie: Konzessivität als “versteckte Kausalität“ / C. Di Meola. – Opladen : Westdeutscher Vrlg., 1998. – S. 329–352.
9. Engel U. Deutsche Grammatik / U. Engel. – Heidelberg : J. Groos; Tokyo : Sansyusya, 1988. – 888 s.
10. Eroms H.-W. Syntax der deutschen Sprache / H.-W. Eroms. – Berlin, N. Y. : de Gruyter, 2000. – 510 s.
11. Gehrman M. Adversative Konjunktionen des Polnischen im Vergleich zum Deutschen / M. Gehrman // Linguistische Studien. A-183. – Berlin : Akademie. – 1988. – S. 107–201.
12. Grundzüge einer deutschen Grammatik / K.E. Heidolph, W. Flämig, W. Motsch. – Berlin : Akademie, 1984. – 1028 s.
13. Henschelmann K. Kausalität im Satz und Text / K. Henschelmann. – Berlin : Kurt Baltinger. – 1990. – 250 s.
14. Lang E. The Semantics of Coordination / E. Lang. – Amsterdam : Benjamins, 1984. – 300 p.
15. Schlobinski P. Funktionale Grammatik und Sprachbeschreibung. Eine Untersuchung zum gesprochenen Deutsch

- sowie zum Chinesischen / P. Schlobinski. – Opladen : Westdeutscher Vrlg., 1992. – 366 s.
16. Grammatik der deutschen Sprache (in 3 Bdn) / G. Zifonun u.a. – Berlin, N. Y. : Walter de Gruyter, 1997. – 2569 s.

*Путій О. С.
Запорізький національний університет*

ПРОФІЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТИВНОГО ДОМЕНУ “СТАН ЛЮДИНИ” В НІМЕЦЬКОМОВНОМУ РЕЛІГІЙНОМУ ДИСКУРСІ

Релігійний дискурс (РД) не раз потрапляв у фокус дослідницької уваги, але на відміну від попередніх публікацій, де йшлося про його інституційний характер [5], концептуальні константи [2; 6] і навіть особливості відбиття окремих емоційних явищ [1], актуальність цього доробку полягає у вивченні преферентної активізації в ньому концептів, що підпорядковані ідеї СТАН ЛЮДИНИ.

Ґрунтовне дослідження РД, здійснене В. І. Карасиком [5, 322-334], дозволяє розцінювати категорії цілі, цінності, стратегії та жанру спілкування як релевантні для втілення антропостатальної ідеї в текстах цієї дискурсивної формації. Загальна мета релігійної комунікації полягає в залученні людини до віри в рамках певної конфесії, тобто у каузації відповідного ментального стану. Отже, найвищою цінністю й одночасно автохтоном (концептом, що історично сформувався в межах певного виду дискурсу і продовжує регулярно в ньому відтворюватися [7, 240]) релігійного дискурсу є антропостатальний концепт GLAUBE / ВІРА.

Об'єктом опису цієї статті є концептивний домен СТАН ЛЮДИНИ – універсальний когнітивно-семантичний континуум, що утворюється сукупністю національно маркованих емоційних і фізіологічних (“антропостатальних”) концептів. Специфіка втілення останніх в релігійному дискурсі складає предмет аналізу, метою якого є вивчення шляхів і засобів їх профілізації в текстах проповідей і молитв.

Головною метою визначаються також основні стратегії РД – затверджувальна, роз'яснювальна, обрядова, молитвена і сповідальна, кожна з яких втілюється і конкретизується у відповідному жанрі. Зважаючи на об'єктивну недоступність текстів сповідей для лінгвістичного аналізу, вивчення шляхів і способів актуалізації СТАНУ ЛЮДИНИ в релігійному дискурсі здійснювалося на матеріалі проповідей і молитв.

Квантитативний аналіз 50 проповідей, дібраних з електронного банку даних Sermon [9], демонструє рівномірну активізацію концептів позитивних і негативних станів людини та найвищу продуктивність емоційних концептів (81%) у порівнянні з фізіологічними (19%). Тексти проповідей тяжіють до преферентного втілення концептів LIEBE (21%), GLAUBE / ВІРА (18,6%), WISSEN / ЗНАННЯ (7,5%) і TOD / СМЕРТЬ (13,4%), а також сигналізують індиферентне ставлення до AUFMERKSAMKEIT / УВАГА, ZERSTREUTHEIT / РОЗСІЯНІСТЬ і TRUNKENHEIT / СП'ЯНІННЯ.

Апелювання РД до концепту GLAUBE завжди пов'язане з реалізацією роз'яснювальної та затверджувальної стратегій. Перша втілюється у висловленнях, які витлумачують поняття “віра” з позицій релігійної свідомості. Так, у проповідях віра концептуалізується як інструмент або навіть орган людини, що дозволяє їй відчутти Бога (*Um Gott wahrzunehmen, braucht es ein anderes Instrument als das Auge, nämlich den Glauben* [9]). Затверджувальна ж стратегія здійснюється в текстах, що пропагують облігаторність віри на шляху до Бога (*Ohne Glauben ist es unmöglich, Gott*